

Комсомольская работа проверяла человеческие качества

В школе я вступил в комсомол, когда пришла пора это сделать по возрасту (14 лет), в 7-м классе. Учился я хорошо, был вполне законопослушным учеником, никого особо не обижал, а если и были «уникальные» случаи, то рассматривались они как чрезвычайные, с разборкой, вызовом к директору родителей и тому подобными воспитательными мерами. С кем такого не было?

Поэтому невступление в комсомол в то время (1973 г.) выглядело бы крайне серьезным и решительным шагом – демаршем, а у меня к нему не было никаких оснований. Встречались тогда такие «смелычки», но мне это было непонятно. Семья моя была благополучной, причин протестовать против кого-то у меня не было, мне все нравилось.

Да, наверное, нас воспитывали в том духе, что комсомол – это сила, это великие и славные традиции, что это надо, что это почетно, и все такое. Выглядело вполне убедительно. Воздействовало эффективно, по крайней мере на меня. Поэтому я вступил в комсомол вполне осознанно, вместе со всеми, было интересно, открывалась какая-то новая реальность (как сказали бы сегодня), да и зачем было портить себе будущее, в том смысле, что перспектива поступления в высшее учебное заведение была вполне реальной. Без комсомольского же билета, как утверждалось, это будет проблематично. Честно говоря, не проверял, да и не очень хотелось.

При переходе в другую (физико-математическую) школу, после окончания 8-го класса, мне мой комсомольский билет особо и не понадобился. Там, конечно, имелась своя комсомольская организация, но в нашем классе уже были отдельные «некомсомольцы». И они совсем от этого не страдали. Мы поступили в эту школу для более углубленного изучения физики и математики с дальнейшим прицелом на гарантированное поступление в вузы. Комсомольская работа в этой связи как-то сама собой отошла на второй план. Или я уже совсем плохо помню ее проявления, что тоже говорит о ее второстепенности. Совершенно по-новому велись уроки физики и математики, это было очень интересно и крайне необычно (особенно в 9-м классе), так что на комсомольские дела времени не хватало, и этих дел было немного.

В Московском университете я вообще не помню, чтобы участвовал в комсомольских делах. На комсомольских собраниях, конечно, присутствовал, но мирно и скромно. Не помню ни одного персонального комсомольского поручения. Наверно, они все же были, но прошли как бы мимо и бесследно. Значит, не впечатляли. Принимал, конечно, участие в субботниках и воскресниках по уборке территории московских парков и сбору урожая с колхозных полей, но опять же без фанатизма, как все.

Правда, ни разу не ходил на Первомайские и другие демонстрации.

В стройотряд поехал после первого курса в обязательном порядке и ... с удовольствием. В Холмогоры. Там мы реставрировали архиерейские палаты, кажется. Активная (комсомольская) часть стройотряда в свободное время несколько раз давала концерты и выступала с лекциями по окрестности. Я в этом не участвовал, оставался в лагере, поскольку все время работал на бетономешалке, таскал для нее цемент и песок, уставал, пред-

Стройотрядовцы физфака МГУ в Холмогорах, Архангельская обл. 1976 г.

почитая отсыпаться и отъедаться в выходные.

За все время учебы на физфаке (1975-1981 гг.) в знаменитом комитете комсомола Университета, что расположен в Главном здании, я был всего один раз, и уже не вспомнить, по какой такой причине. Скорее всего, нам там меняли комсомольские билеты.

В 1979 году, студентом 3-го курса кафедры теоретической ядерной физики физфака МГУ, которая базировалась в филиале НИИЯФ МГУ в Дубне, впервые приехал из родной для меня Москвы в Дубну. Почему я попал именно на эту кафедру – отдельная история, в первую очередь связанная с именем профессора этой кафедры - Всеволода Вячеславовича Балашова, который вместе с Владимиром Константиновичем Коротких хотел иметь студента (может быть, будущего сотрудника), способного пользоваться уникальными для того времени вычислительными ресурсами ЛВТА. Мне так и сказали: «Поезжай в Дубну, будешь там считать на ЭВМ».

Жизнь, однако, поступила по-своему: профессор В.В. Балашов уехал на целый год в Германию (1979 - 1980 гг.), «мною и моим дипломом стало некому заниматься».

Бедняков Вадим Александрович – известный ученый, доктор физико-математических наук, директор Лаборатории ядерных проблем ОИЯИ им. В.П.Джелепова. В 80-е годы член бюро и заместитель секретаря комсомольской организации ЛЯП, член Совета молодых ученых и специалистов ОИЯИ.

В итоге мне предложили готовить его под руководством Петра Степановича Исаева, который как раз в это время организовал теоретический сектор в ЛЯП ОИЯИ. Под руководством П.С. Исаева (а точнее, Сережи Коваленко и Юры Иванова) я написал вроде неплохой диплом, и в 1981 году меня приняли стажером-исследователем в этот сектор. Формально задачей сектора была

теоретическая поддержка экспериментов по физике нейтрино в Протвино, проводимых отделом под руководством зам. директора ЛЯП С.А. Бунятова.

Так началась моя жизнь в нашем Институте. При этом ничего не предвещало возрождение ее комсомольской составляющей. Это произошло как-то естественно и ненавязчиво. Может, по той причине, что я был женатым москвичом с маленьким ребенком, снимал комнату в институтской части, и мне, чтобы остаться работать в ОИЯИ, необходимо было как-то решать пресловутый жилищный вопрос.

Потенциально возможное решение его в те годы лежало через участие в конкурсах молодых ученых, которые проводил Совет молодых ученых и специалистов ОИЯИ совместно с комсомольской организацией ОИЯИ, а также дубненской организацией ВЛКСМ. В одном из таких конкурсов «разыгрывалось» жилье для молодых семей. Сегодня, понятно, это нелегально.

В современном моем представлении, несмотря на, казалось бы, внешнее различие, СМУИС и комсомол ОИЯИ были двумя разными сторонами одной «медали», они работали вместе, фактически как одно целое, и охват народа был значительно больше (по сравнению с сегодняшним ОМУСом). Хотя, может, это иллюзия, поскольку в те годы молодежи было просто больше в Институте.

Поскольку молодежное движение ОИЯИ тогда было под эгидой комсомола, то в упомянутых конкурсах, помимо серьезных успехов в научной деятельности, претенденты должны были заметно проявлять себя и в общественно-полезной работе, которая фактически и была комсомольской.

Помню, что лично мне не ставило труда включиться в работу редколлегии ЛЯПовской стенгазеты «ЛУЧ», которую, если мне не изменяет память, мы,

комсомольцы (Володя Люков, Юра Горнушкин и другие), возродили в середине 80-х прошлого века (под руководством молодого тогда члена партии Г.А. Шелкова). Все были молодые, и работать было весело и интересно. Согласно одной из найденных мной в личном архиве характеристик, в течение 1983 года мне даже пришлось исполнять обязанности редактора нашей стенгазеты.

В этом же архиве я «обнаружил», что работал в Бюро ВЛКСМ ЛЯП, был некоторое время заместителем секретаря по идеологической работе, членом СМУИС ОИЯИ, в котором отвечал за физико-математическую школу при ОИЯИ, был заведующим учебной работой (завучем) ФМШ. На эту работу я попал по мудрому совету старшего товарища Сергея Коваленко, от которого я ее и унаследовал. Наша ФМШ занималась со школьниками старших классов Дубны еженедельно. На ее базе проводились (в здании филиала НИИЯФ МГУ) конференции школьников по физико-математическим наукам, на которые приезжали также участники из других городов страны. В качестве заместителя председателя оргкомитета мне пришлось организовывать пять (с 7-й по 11-ю) таких конференций школьников.

В старых «архивных» характеристиках нашлось упоминание о том, что за активную работу по коммунистическому воспитанию молодежи я награжден грамотами комитета ВЛКСМ в ОИЯИ и ГК ВЛКСМ. Более

Комсомольцы ОИЯИ на субботнике

того, был принят в кандидаты в члены КПСС и за время кандидатского стажа являлся помощником пропагандиста молодежного методологического семинара ЛЯП (о нем чуть ниже).

В результате такого сорта «целенаправленной» деятельности мне удалось достаточно успешно участвовать в конкурсах молодых ученых. По итогам 1983 года я занял 1 место в конкурсе на звание «Лучший молодой ученый ОИЯИ» и 2-е место в аналогичном городском конкурсе. По итогам 1984 года стал лучшим молодым ученым в обоих конкурсах (институтском и городском). В январе 1984 года мне было присвоено звание «Ударник коммунистического труда», правда, это звание присваивалось почти всем, кто добросовестно работал на своем рабочем месте.

Очень приятные воспоминания у меня остались от работы в коллективе молодых и «не очень молодых» ученых по подготовке и проведению в 1984 г. празднования Дня советской науки в ОИЯИ. Был разработан специальный сценарий, начинавшийся с игрового фильма про молодого ученого Института. Фильм плавно переходил в оригинальное театрализованное представление на сцене ДК «Мир», где вдохновенно играли мои коллеги – молодые ученые ОИЯИ. Это было, как мне кажется, уникальное событие, которое в таком виде больше не повторялось.

Стоит отметить, что общественная работа, в которой мне пришлось (или посчастливилось) участвовать, позволила мне узнать много новых людей разного уровня и разного возраста. Это, как оказалось, было очень полезным как с точки зрения общения, приобретения опыта, так и просто в человеческом плане.

В итоге, после защиты кандидатской диссертации в 1985 году, высокая научно-комсомольская комиссия посчитала, что мои «заслуги» на ниве общественной работы достаточны для того, чтобы моя семья могла продолжить жить и работать в Дубне посредством

однокомнатной квартиры в новом доме на улице Калининградской. Вообще говоря, это была достаточно высокая «оценка-признание», которая стимулировала работать еще лучше.

Оглядываясь сегодня на комсомол нашего времени (80-е годы 20-го века), можно, конечно, вспомнить повести Ю.Полякова, какие-то закрытые комсомольские тусовки (про которые я узнал только из такой литературы), первые поколения молодых бизнесменов из комсомольской среды, ставших поначалу успешными за счет партийно-комсомольско-номенклатурных связей, и все такое не очень вроде как привлекательное. А можно отметить и другое, вполне положительное. Это время нашей молодости, когда все нам казалось стабильным, хорошо организованным, с вполне ясной перспективой увлекательной, престижной и достаточно высоко оплачиваемой работы в ОИЯИ. При этом мы, молодые, очень хорошо понимали, что для этого надо упорно и успешно работать (для начала в интересах своего научного руководителя).

Комсомольская работа в этой ситуации, казалось бы, была ненужной, сильно отвлекающей от дела, обузой. Но это только на первый взгляд. На ней проверялись человеческие качества будущих руководителей и/или просто обычных сотрудников. Насколько может тот или иной амбициозный молодой ученый находить контакты с коллегами, понимать их проблемы, разрешать конфликты между ними, организовывать народ на решение каких-то конкретных, порой весьма далеких от науки задач (к примеру, сбор картошки или свеклы). Комсомол был школой кадров, площадкой для их проверки, тренировки, возмужания, селекции и установки отношений чисто человеческого характера.

Я не уверен, что наши тогдашние партийные руководители, курировавшие деятельность ВЛКСМ в ОИЯИ, достаточно четко понимали эти задачи, но система в целом работала. Особенно эффективно она это делала, когда нами занимались действительно мудрые люди, не обращавшие внимание на бюрократическую компоненту, старавшиеся действительно помочь нам, молодым, найти свое место в жизни и науке. Среди таких особенно хочется отметить Льва Иосифовича Лапидуса. Посещение руководимого им молодежного научно-методического семинара, который проходил, как правило, неформально, хотя и считался обязательным для «нормальных комсомольцев», лично для меня было очень важным и полезным. Только через много лет, когда уже не стало Л.И.Лапидуса, я понял, как много, и порой незаметно, он помогал нам, молодым сотрудникам ЛЯП, в том числе и в научном плане.

Итак, хоть это может выглядеть сегодня парадоксально, но сама возможность мне и моей семье жить и работать в Дубне фактически обеспечена комсомолом ОИЯИ середины 80-х, хотя я и не был активным комсомольцем...

Вадим БЕДНЯКОВ,
в 80-е годы член бюро
и заместитель
секретаря комсомольской
организации ЛЯП,
член Совета молодых ученых
и специалистов ОИЯИ

Детство отняла война...

(Воспоминания дубненских ветеранов)

**Быконя
Зинаида Петровна
(1928 г.р.)**

Мы жили в деревне Неклюдово Кимрского района. Мама болела, поэтому я росла у тети и дяди. Когда началась война, дядя ушел на фронт. При форсировании реки вместе с оружием он простудился - вода была ледяная, и заболел туберкулезом. Дядю комиссовали, и вскоре он умер.

У нас был огород, корова, поэтому мы не голодали. Одежду шили из холста, который ткали из льна дома на ткацком станке (кросны).

Как и во всех деревнях, во время войны у нас не было самого необходимого: спичек, соли и электричества. Бани не было - мылись в русской печи. Как и взрослые, я работала в колхозе. После войны окончила сельскохозяйственный техникум и работала ветеринаром.

**Елина Любовь Никитична
(1937 г.р.)**

Жили мы в Оренбургской области, в селе Логачёвка. В семье были папа, мама, две сестры и я. Папу забрали на фронт в 1941 году, и вскоре он пропал без вести. Мама работала в колхозе сначала конюхом, затем в полеводстве, а мы, ребята, трудились на прополке зерновых и овощей.

Кушать было нечего. Я ходила «по миру», но никто не подавал милостыню - самим есть было нечего. Каждый день заходила на мельницу, и там мне давали горстку муки. А ещё я там сметала мучную пыль, и мама варила «затируху». Сосед видел, как мы голодаем. Он и уговорил руководство взять меня на работу в ясли, хотя я тогда и сама была небольшая. Я водилась с малышами, и там меня немного подкармливали. У нас был огород, корова, но корова заболела бруцеллезом, и её закололи, но мясо есть было нельзя, мы получили только шкуру. Мама её опалила, разрубила на куски и варила суп. Ещё у нас была одна курица, но мы должны были сдавать по плану 100 яиц. Ели траву, подорожник, листья свёклы, капусты, лебеду. На озере в воде рвали «куву». У этого растения белые корни, их мы и ели. После уборки на полях оставались метёлки проса, и мы их собирали. Мама молотила их палками, обдирала в ступе, получалось пшено, из которого варили кашу. Была у нас овца. За неё был налог на шерсть. Часть настригали с неё, а часть приходилось покупать (нам за папу давали 56 рублей).

В селе я училась до 7 класса. Учебников было мало: один на 4-5 человек. Писали на газетах, чернила делали из сажи. Спичек

Как рассказать о той войне?

Нам и сегодня нет покоя.

**Нам детство выпало такое,
Что не приснится в страшном сне.**

не было. Или угли горящие брали у соседей, или высекали искру из кремня. Мыло варили из потрохов пропавшей скотины. Баня была на двоих с соседями. Так как дров было мало, мылись мы один раз в 1-2 месяца. По телу пошли шишки, коросты, чесотка. Обуви не было, часто приходилось бегать по снегу босиком. Фуфайку носили одну на четверых по очереди.

После 7 класса я уехала в город Орск. Так как учиться было не на что, поступила на завод «Синтезспирт» в лабораторию. Брала пробы и делала анализы. От этого у меня руки покрылись язвами от локтей до кончиков пальцев. Пришлось устраиваться в другое место. Пошла работать на швейную фабрику. Работала резакон - нарезала несколько слоёв ткани с начёсом. От неё было много пыли. Все дыхательные пути были забиты этой пылью. Начнёшь кашлять - слизь и мокрота были того же цвета, что и ткань.

У нас было заросшее озеро, где я ловила рыбу даже в ледяной воде. Мама давала вязанный платок, я надевала его на две палки и как бреднем ловила рыбу, но попадало совсем мало. В результате я сильно застудила ноги.

Мама изработалась. Женщины говорили: «День работаем на барина, а ночь на себя».

С будущим мужем меня познакомила его сестра, с которой мы вместе жили в общежитии. В Дубну приехали уже семьёй. С мужем живём 63 года. Я работала в 67 училище секретарём, потом на водозаборной станции. Общий стаж работы - 58 лет.

**Жукова
Тамара Петровна
(1936 г.р.)**

До войны мы жили в деревне Верханово Калининской области. Семья была

большая - папа, мама, сестра, брат, бабушка, тётя и я. Папу призвали на фронт, но вскоре комиссовали по ранению. Он работал в колхозе шорником (шил хомуты для лошадей) и сапожником. Отец был мастер на все руки - мог выполнить любую работу. К нему часто

обращались жители деревни с просьбами помочь по хозяйству: починить, отремонтировать. А в качестве благодарности за выполненную работу приносили продукты. Однако папа не у всех брал, многим делал бесплатно, за «спасибо», а совсем нуждающимся еще и сам давал что-нибудь из еды.

Наш колхоз всегда был зажиточным, поэтому и в войну на трудодни что-нибудь давали - зерно, шую (отходы от зерна ржи). Молоди в Конакове на мельнице или на жерновах дома и пекли хлеб. Была у нас корова на две семьи, также держали кур. Этого хватало бы на безбедную жизнь, если бы не план сдачи продуктов государству, как молока, так и яиц. В нашей семье было что одеть и обусть, другие семьи были беднее. Картошки мы сажали много. Землю пахали на лошадах.

Как и другие дети, я училась в школе. Писали на газетах, чернила и учебники давали, но не всем хватало. Иногда приходилось по одному учебнику на 2-3 человека. Хорошо помню свою первую учительницу. Была она очень строгая и часто оставляла после уроков. Наверное, поэтому все старались учиться, и знания были очень хорошие.

Помню, как через нашу деревню в декабре 1941 года ехали на машинах и танках молодые солдаты-сибиряки в белых полушубках. Их распределили по домам. Находились они в деревне три дня, а потом пошли под Яхрому в бой.

Долгое время работала в Клину на капроновой фабрике. В Дубну с мужем приехали в 1958 году. Он устроился работать в милиции.

ДЕТИ ВОЙНЫ ПЕРЕЖИЛИ ГОЛОД, СМЕРТЬ БЛИЗКИХ, НЕПОСИЛЬНЫЙ ТРУД, РАЗРУХУ. ОНИ РАБОТАЛИ НАРАВНЕ СО ВЗРОСЛЫМИ В ПОЛЕ, НА ЗАВОДАХ, В ГОСПИТАЛЯХ, ПРИБЛИЖАЯ ДЕНЬ ПОБЕДЫ

